

ДВАДЦАТЬ СОНЕТОВ К ШОКАНУ УАЛИХАНОВУ

1

Шокан, позволь начать с акростиха.
Осмелюсь говорить без экивоков,
Как на духу (не вижу в том порока),
А реверансы – этикетная труха.
Наш диалог – отнюдь не чепуха:
Узрев со мной «прекрасное далёко»,
Анахронизмов не ищи, перстом про рок
Листая цикл. Перо – моя соха.
И в чистом поле, верю, не случайно
Хомут накинула себе, влюбившись в тайну
Аблая отпрыска. Мы были тет-а-тет.
Но только здесь, на этой частной пашне,
Он – рыцарь мой, я – дама сердца в башне.
Венец соитья наших помыслов – сонет.

2

Непараллельные прямые в точке икс
скрестились, мой загадочный кумир,
и в прорубь головой с идеей фикс
брошаюсь. Обессиленный вампир
вот так же жаждет чьей-то крови красной.
Здесь место знаковое, и снаряда три
в одну воронку видно, не напрасно
послало провиденье. Фонари,
скамейки для сезона randevu,
и колледж мой, а прежде дом был мамы,
ты рядом – не в кино, а наяву
застыл над всем под бесконечность гаммы.
С тобой одним смогу без перевода
о судьбах нашего грустить народа.

3

Я четверть века мыслью отмотала
туда, где был генсек с пятном во лбу,
где гласность по талонам в дар рабу
крошили у крутого перевала.
В тебя, как в куклы, я тогда играла,
с телеэкрана хрупкую судьбу
впитав по капле, шумную гурьбу
друзей дворовых молча отвергала.
Блеск эполет, еще живой Саги¹
красив как бог – и детские мозги
оторвались от будней без пейота².
Принц крови Мухаммед Ханафия
в мундире на известной фотографии –
в шкафу, за неимением киота³.

4

Без панибратства и без брудершафта,
я просто старше – скоро третий «мушель жас»⁴.
Мое «вчера» ты называешь словом «завтра»,
читай на тему Уэллса парафраз.
Пшеница, нефть, руда и космонавты –
в небытии возрадуйся за нас.
Да, трансформация знакомого ландшафта
потешит аруаха третий глаз.
Твой Кокшетау – давно уж не станица,
течет на экспорт минеральная водица,
в казну – наш аурум, песочные часы.
И если прилетишь в машине времени
сегодня в Кокшетау, к родному племени –
в ответ на «хал қалай» скажу «жақсы».

5

«Не в ту эпоху, – говорили о тебе, –
пришел в наш мир ученый гениальный».
Не подпишусь: десницей виртуальной
не поменяла б ни аза в твоей судьбе.
Чуть позже пал бы жертвою в борьбе
за автономию фигурой опальной
потомок Аблай-хана, тривиально
бежал в Китай или вступил в ВКП(б),
укрывши мхом забвенья корневище.
А может быть, с запасом лет на тыщу
вперед? Но там забрезжил конец света.
Уж лучше к нам – военным атташе,
послом в ЮНЕСКО. На казахский Бомарше
переводить в часы досуга. Или Фета.

6

Где Шлагинтвейт ⁵ лишился головы,
там ты, обрив свою, проник повсюду,
не ставши достоянием молвы,
пронзительней, чем иглы – куклу Вуду,
когтящей чужеземцев. «Алимбай» ⁶
не вызвал подозрений у Кашгара:
ты, временной жене сказав «гуд бай»,
собрал досье о тайнах Алтышара.
Когда б открылось, что твой стеганный чапан
скрывал разведчика российского мундир,
рванул бы мести яростной пропан,
и точкой оборвался бы пунктир
полета дерзкого. И в члены РГО ⁷
уже б не приняли героя моего.

7

Как и положено джигиту, но иначе,
ты «восьмигранным» был (сегіз кырлы).
Кадеты омские и местные орлы
завидовали редкостной удаче.
Пригожий мальчик (не брутальный мачо)
украсил петербургские балы.
И недругов прилипчивей смолы
в упор не замечал, не давши сдачи
ни одному. Не пел, но рисовал.
Ораторствовал, словом наповал
разя противника. Поменьше бы талантов.
Ведь самородок – лакомый кусок,
бельмо в глазу. Тотально одинок:
пигмеям не с руки любить атлантов.

8

В делах амурных что-то не ахти –
значенье, в сумме близкое к зеро.
Врать обоюдоострое перо
мне не велит. И всё же – что в актив?
Брак с некой Айсары в конце пути,
сестрой Тезек-султана? Здесь хитро
игра дальнеприцельная в нутро
схоронена, секреты – взаперти.
Роман с женой простого туленгута
чуть раньше? В хвате щупальцами спрута
общественного мнения захирел.
Миф омичей – твоя любовь к Любове,
супруге Гасфорта ⁸ ? Неурожай в алькове –
цена таланта, избранных удел.

9

Истории податлив пластилин:
сегодня так, но завтра будет этак,
вот только что был черный бабуин,
а отвернешься – белка скачет с веток.
Не к месту правдолюб и атеист,
отступник, вольнодумец, русофил?
Что чище, чем бумаги свежий лист,
и проще неразборчивых чернил?
Мне прежний вариант, увы, милей:
впитался в мозг и кровь, не соскребешь
иконы старый образ – крепок клей.
А мысль изреченная есть ложь.
Еще с полвека времени пройдет,
и не услышит уж никто фальшивых нот.

10

Шокан, мы вышли из одной шинели
и носим бережно добротное сукно,
ногой неверной за прорубленным окном
нащупывая почву. Менестрели,
которые не на своем запели,
но о своем. И грустно, и смешно.
(Тем, кто не в теме, в общем, всё равно.)
Происхождение соловьиной трели
из горла белого гуся⁹ – какой пассаж!
Да ты гяур иль всё-таки алаш¹⁰?!
Мы рождены под знаком козлотура,
двуликий Янус – наше божество,
двоится непростое естество
асфальтного степного трубадура.

11

И как тут не потешить зуд корост,
бинты политкорректности тревожа!
С Абаем¹¹ не сговариваясь, то же
Шокан пророчил: путь наш прям и прост –
связь с метрополией крепить, культурный мост
налаживая. Знали бы, что кожу
перелицуют степняку. И не поможет
теперь словарь родной, дабы свести нарост
ороговевший. Справедлив укор,
хоть много утекло воды с тех пор,
как расписали вы, что для народа лучше.
Но, кажется, порой терзался ты,
высматривая свет из темноты
в метаньях сердца и ума овцой заблудшей.

12

Как мяч и меч, как мачта и мечта,
русификация и обрусенье рядом,
лишь для стороннего пустого взгляда
они, что два штампованных болта.
Не уложить проблему в пол-листа,
не осушить в минуту водопада,
и виноград от жгучих льдинок града
перебродил, и проданы места
в земном театре, и пилить опилки,
как собирать в предбаннике обмылки, –
бессмысленно. С архивами кассета
размотана и спутана уже,
тавро «шала»¹² на нашем багаже,
и в кассу не вернуть назад билеты.

13

Тебя – насильственно? А может быть, ты сам
себе перековал не те подковы?
Не будоража горестной основы,
не проследишь анамнез по часам.
Нас приручили и взнуздали. В храм
иной культуры завели. Засовы
не скрипнули, мелодией медовой
обволокли, без лишних слез и драм.
Упал колосс на глиняных ногах,
развернутое русло в берегах
родных опять. Но дважды в эту реку
нам не шагнуть. И в старое пальто
не втиснуть плечи, тело уж не то.
И дискомфортно в нём, как в таборе Алеко.

14

Томленье ссылки. Дикая пустыня.
Всё чуждо: воздух, люди, кони, быт.
Метёт, пылит, морозит, моросит,
светило виснет перезрелой дыней.
И вдруг, когда не зришь ни зги окрест,
кайсак «премилый» с дружбой подъезжает,
писательским речам как сын внимает.
Беседуя о нравах здешних мест,
не раздражает старые мозоли,
в бутыль не лезет батянки поперёд,
в любви признанья письмами он шлёт
и новых встреч взыскует. Тут неволей
подружишься. Приязни механизмы
запущены твоей, Шокан, харизмой.

15

Майков, Полонский, Дуров, Достоевский...
И трети списка хватит, чтоб понять:
тебя вскормила степь – родная мать,
но одарил общением берег невский.
Отчетливей рисунка древней фрески
душевного созвучия печать.
Друзьям российским будучи под стать,
для соплеменников ты был орешек грецкий,
где ядрышко – твой мозг в миниатюре:
две половинки – в унисон натуре,
которой так мучителен раздрай.
И счастье быть понятым вполне
ты не обрел бы даже на Луне.
Всяк сам себе Отчизна, ад и рай.

16

Есть новенький журнал о знаменитых,
там рассуждают, кто во что горазд.
Читая, пропускаю через сито
туманный «плюрализм». По клейке ласт
ты обгоняешь многих. Не открыта
загадка ранней смерти. Ум – балласт,
тебя гнетущий. Хвост, рога, копыта
вертлявой нечисти внесли свой вклад. И пласт
землицы приграничной принял молча
тридцатилетнего, какому б жить и жить.
И нам гадать – яд, пуля в спину, порча?
Иль в жизни колесо сумел забить
Кох палочку свою? «Не стоит рыть», –
бубнят иные, губы кособоча.

17

Другие возмущенно голоса
о невозможности «болезни бедных»
у ханского потомка. Недогляд:
не в касте дело! Много думать вредно.
Труд непрерывный день и ночь подряд
помножим на пейзаж Пальмиры бледной
с премерзким климатом – российский стольный град
сводил на нет и тех, чья жизнь хлебна.
Опасные условия экспедиций
плюсуем тоже – станут бесполезны
бессчетные отцовы кобылицы.
Не в бровь, а в глаз, хотя слегка скабрзно:
«Ессентуками» тот не исцелится,
чьи обе почки отвалились в бездну.

18

Предполагают, у хребта Алтын-Эмеля
не ты лежишь. Была инсценировка
поспешных похорон. Мол, так неловко
тебе слепили власти, как сумели,
прикрытие для новой высшей цели
в шпионских играх. Вновь судьба-плутовка
шепнула эхом: «Рекогносцировка
нужна твоя». Теперь мели, Емеля,
витийствуй, что есть сил, верстая миф,
катя натужно в гору, как Сизиф, –
свой камень, бесполезных версий ком.
«В Кашгаре умер позже... В легком рана –
Черняева¹³ отмщенье»... В общем, рана
и странно ты ушел от всех тайком.

19

Времена капризней ЖКТ:
каждому периоду диета
новая. «Долой компот с котлетой,
подавай соте с “Алиготе”! –
как стрип-бар на смену варьете.
Удобоваримость – свойство клеток
пищи для обедов без таблеток.
Несваренье крутит фуэте?
Значит, горек правды концентрат.
Вмиг съедобный выделяют субстрат
из любой фактуры. Вкус приправы
сублимирует продукт. «Что ж, можно есть», –
повар принесет благую весть,
и кивнет метрдотель лукавый.

20

О-дин. О-дна. Какая безнадёга
льдом обреченности звенит в простых словах.
Симпатий позади осталось много,
но не друзья, увы, оплакали твой прах.
(Потанин¹⁴, правда, позже приезжал
и горевал, товарищ юных лет.)
Жизнь пронеслась. Удар камчи, кинжал,
рассекший вечность миг. Прощай, корнет,
штаб-ротмистр и адъютант. Прости,
коль струн больных коснулась на пути,
скользя по склонам с хлипким альпенштоком.
Кричу в бездонный времени каньон:
«Не порастёт тропа твоя быльём,
гори бессмертно в небесах Звездой Востока!»

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Саги Ашимов (1961–1999) – популярный казахстанский киноартист, исполнитель главной роли в фильме «Шокан Уалиханов».
2. Пейот – кактус-галлюциноген.
3. Киот – ящик для икон.
4. Мушель жас – возрастные вехи: первый – 13 лет, и далее каждый цикл по 12 (то есть 25, 37, 49 и т. д.). Считается важным, пограничным жизненным этапом.
5. Шлагинтвейт Адольф – немецкий путешественник, географ, естествоиспытатель. Был публично казнен в Кашгаре в 1857 году.
6. Алимбай – имя, под которым Ш. Уалиханов в составе торгового каравана проник на территорию Кашгара.
7. РГО – Русское географическое общество.
8. Гасфорт – генерал-губернатор Западной Сибири, адъютантом которого был Шокан Уалиханов.
9. Белый гусь – по словам Олжаса Сулейменова, в народной этимологии этноним «казақ» распадается на «қаз» и «ақ» – «гусь белый».
10. «Алаш» – синоним слова «казах».
11. Абай – основоположник казахской письменной литературы, великий поэт и мыслитель.
12. «Шала» – «половинчатый». Шала-казахами называют обрусевших русскоязычных казахов.
13. Черняев Михаил – генерал-губернатор Туркестана, в 1864 году возглавлявший военную экспедицию по колонизации Средней Азии и южных областей Казахстана.
14. Потанин Григорий – близкий друг, товарищ Шокана по кадетскому корпусу, исследователь Средней Азии, этнограф, географ и путешественник.

Рена Жуманова – поэт из Кокшетау. Выпускница историко-теоретического факультета Казахской национальной консерватории им. Курмангазы. Преподает в музыкальном колледже, внештатно сотрудничает с региональными газетами. В марте 2015 года успешно окончила дистанционные курсы литературного мастерства Андрея Воронцова, российского писателя и публициста, руководителя семинара прозы ВЛК при Литературном институте им. М. Горького. В мае того же года в издательстве «Мир печати» вышел в свет её первый поэтический сборник «Подушечка для иголок», презентация которого прошла в Российском центре науки и культуры (г. Астана) при поддержке представительства Россотрудничества в Казахстане. В июне 2015 года отмечена дипломом «За верность русскому слову» Московской городской организации Союза писателей России с вручением памятной медали. Многие стихи опубликованы в журнале «Кокшетау», санкт-петербургских альманахах «Огни гавани» и «Параллели судеб», казахстанском литературно-художественном журнале «Простор», российской «Литературной газете», втором выпуске альманаха «Казахстан – Россия» (2016).